

УДК 94(41/99). 341.75

А.Н. Леонова

**ПОСОЛЬСКИЙ «КОРМ» КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДАРООБМЕНА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII вв.**

Исследуется русская традиция обеспечения иностранных посольств продовольствием за счет царской казны. Выявляются истоки и особенности этой практики в России, а также раскрывается ее специфическое предназначение в дипломатической практике Московского государства периода XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Московское государство, «корм», посол, местничество, «кормление», государева «честь».

В Московском государстве существовал обычай обеспечивать заграничные посольства продовольствием – «кормом» за счет царской казны. Хотя данная практика не была уникальным явлением того времени, в России она приобрела свои яркие специфические черты и задачи. Посольский «корм» входил в систему полного жизнеобеспечения иностранных дипломатов в Московском государстве XVI–XVII вв. Помимо предоставления «корма», послы освобождались от путевых издержек, в дороге и на подворьях, где располагались иностранцы, вспомогательную работу, такую как колка дров, растапливание печей, приготовление еды, выполняла русская прислуга.

Сведения, содержащиеся в сочинениях зарубежных дипломатов, посещавших Российское государство в XVI–XVII вв., и исследования историков позволяют говорить о том, что институт посольского «корма» в Московии имел ряд особенностей, делавших его не похожим на подобные практики, имевшие хождение в то же время в странах Западной и Восточной Европы. Иностранных дипломатов, к примеру, удивляло, насколько четко была отлажена система продовольственного снабжения приезжих посольств. Так, посол Габсбургского дома Сигизмунд Герберштейн в первой половине XVI в. писал: «Способ содержания послов у них различный: один для немцев, для литовцев – другой, свой для каждой страны. Я имею в виду, что назначенные приставы имеют определенное и притом свыше предписанное количество, в каком выдавать хлеб, напитки, мясо, овес, сено и все остальное по числу отдельных лиц. Они знают, сколько должны выдавать каждый день поленьев для кухни и для топки бани, сколько соли, перцу, масла, луку и других самых ничтожных вещей» [1. С. 215]. Русский историк В.О. Ключевский, изучая сочинения иностранцев XV–XVII вв., отмечал, что система обеспечения за счет московского царя действовала с

того момента, как дипломат вступал на территорию Русского государства. В целях осуществления этой задачи строились специальные станции, или ямы, поставлявшие для посольств верховых лошадей и подводы [2. С. 46]. Об этом же упоминал подробно изучающий русский посольский обычай Л.Я. Юзефович, подчеркивая особенность описываемой традиции для Московского государства. Он определил, что практика бесплатной выдачи продовольствия иноземным посольствам в разной степени действовала при дворах восточных правителей и в ряде европейских стран, поддерживавших наиболее давние и тесные связи с Москвой: в Речи Посполитой, Швеции, Англии, Священной Римской империи [3. С. 109]. В России же, по его мнению, данная традиция проявилась в наиболее полном объеме: с самого момента вступления иностранного посольства на русскую землю и до пересечения им границы в обратном направлении все издержки по жизнеобеспечению его членов брала на себя царская казна. В то же время в других странах снабжение пропитанием происходило весьма дозированно и лишь в определенные дни и предназначалось, как правило, для дипломатов высшего ранга. Так, в XVII в. во Франции чрезвычайный иностранный посол находился на довольствии монаршего двора лишь в первые три дня своего пребывания в Париже, и лишь имея высший ранг и представляя коронованную особу [4. С. 62]. В Персии и Османской империи снабжение «кормом» начиналось только после первой официальной встречи у шаха и султана соответственно и заканчивалось после прощальной аудиенции («отпуска»). А в Крыму и Ногайской Орде русские дипломаты и вовсе часто питались на свои средства [3. С. 110]. С другой стороны, необходимо упомянуть Китай, который, как и Московское царство, большое значение придавал условиям содержания иноземных послов и, в частности, институту «корма». Отмечается, что приезжие дипломаты

ставились на полное довольствие китайскими императорами [5].

Еще одной специфической чертой, пусть и не первостепенной по своему значению, но отмеченной в сочинениях многих дипломатов, посещавших Московию, и выражавшей некоторые давние русские обычаи, было то, что на протяжении всего рассматриваемого периода XVI–XVII вв. в рацион посольств неизменно входила немалая доля горячительных напитков. В.О. Ключевский писал, что для служащих Посольского приказа, отправляемых в посольский дом, это задача так и называлась «поить посла» и сделать его как можно пьянее [2. С. 70]. Кремль, в свою очередь, рассматривал это как традицию, согласно которой гость, вставая из-за стола пьяным, тем самым выказывал свое уважение и почет хозяину дома, то есть государю. К тому же этой практикой пользовались, чтобы выведать у нетрезвых иностранцев секретные сведения. Поэтому на подворье приставы всячески стремились напоить послов, и иностранцев удивляло их умение добиваться своей цели. В таких случаях Герберштейн советовал послам, что уклониться от настойчивых предложений пить без меры возможно было, притворившись очень пьяным или заснувшим, «или пусть он напоит их самих, или, по крайней мере, осушив много кубков, пусть уверяет, что он никоим образом не может больше пить, ибо они не верят, что гости получили хороший прием и обильное угощение, если их не сделать пьяными» [1. С. 216].

Что касается истоков, приведших к появлению феномена института посольского «корма» в Московском государстве, автор статьи, опираясь на сочинения иностранных дипломатов и научные исторические исследования, выделил три основные, тесно взаимосвязанные причины, а именно: институт местничества и систему «кормлений»; магистральное для Российского государства XVI–XVII вв. понятие «государевой чести»; древние магические представления о связи мира людей с вещным миром, отчасти перенесенные, пусть и в завуалированном виде, в русский посольский обычай.

Возникновение и суть местничества были основательно изучены отечественными историками и историками русского права [6, 7, 8, 9, 10]. Все они определяли его как институт, регулировавший отношения между членами служилых фамилий по службе военной и приказной и в обстановке придворного этикета. Название «местничества» пошло от того, что взаимоотношение между служилыми людьми определялось числом мест, которое разделяло их между собой, т.е. ставило одного

выше или ниже другого на некоторое число мест. М.А. Дьяконов определил, что правила этого института стали складываться приблизительно с начала XV в., и связывал он это с массовым притоком в Москву служилых князей, которым во многих случаях удавалось занимать влиятельные места при великом князе и государе, смещая при этом его прежних бояр. Новые титулованные слуги, заняв определенное положение на службе и при дворе, передавали свое положение детям, для которых оно было их «отечеством» или отеческой честью. Наследникам необходимо было поддерживать свою отеческую честь постоянной успешной службой, оберегать честь рода и не допускать «поруху» своему отечеству [11. С. 288]. Но поскольку институт местничества имел сложные запутанные механизмы, часто между аристократами возникали «местнические споры» – у кого выше «место», кто более знатен, кто имеет право на данную должность.

С местничеством была неразрывно связана система «кормлений», когда русские удельные и великие князья, а затем и цари посылали в города и села бояр в качестве наместников и волостелей, а также других служилых людей для управления отведенными им землями. Эти должностные лица содержались («кормились») за счет местного населения в течение всего периода службы – получали от него «корм», то есть осуществляли натуральные и денежные сборы, взымали различные пошлины. Таким образом, кормление было одновременно и государственной службой, и формой вознаграждения за службу.

Влияние местничества и кормленной системы отчетливо прослеживается в дипломатической практике Московского Кремля XVI–XVII вв., и оно напрямую было связано с понятием о «государевой чести». Дело в том, что деятельность Посольского приказа, весь дипломатический церемониал Московского государства были выразителями определенных религиозных и политических идей. Духовенство сформулировало важнейший постулат «Москва – Третий Рим», московские цари объявлялись потомками древней династии, восходящей к римским и византийским «цесарям». Пропагандировалось учение о богоустановленности власти, о том, что царь – наместник Бога на земле. При этом под властью подразумевался исключительно единоличный представитель власти: властелин, князь, царь [11. С. 400]. Историк Н.М. Рогожин писал, что согласно средневековому межгосударственному праву государство не только персонифицировалось в его главе, а воплощалось в государе [12]. Поэтому все должно

было быть направлено на охрану и превозношение государева достоинства, а, следовательно, и дипломатические сношения Московской Руси строились на принципе оберегания государевой «чести». В этой связи практика Московского государства обеспечивать иноземное посольство всем необходимым, «кормом», пока оно находилось на его территории, выступала одним из способов защиты государевой «чести», поскольку демонстрировала щедрость, могущество, престиж московских царей и богатство России.

Московское государство, «вчерашний данник татарского хана», прилагало много усилий, чтобы добиться авторитета на международной политической арене [11. С. 412]. Для этого создавались ранги государств и государей, которые могли и не могли считаться московским царям «ровней» или «братьями». Так, «равным» русскому государю не мог считаться вассальный, зависимый правитель. Об этом свидетельствуют наблюдения Ф. Аделунга, согласно которым Иван Грозный, настаивая на превосходстве наследственного монарха над монархом выборным, не признавал своим «братом» польского короля Стефана Батория, утверждая, что царь является государем по «Божьему изволению», а Баторий – «по многомятежному человеческому хотению», и поэтому русский государь призван «владеть людьми», а польский – всего лишь «устраивать их» [13. С. 268]. Г.К. Котошихин в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» особое внимание уделил системе рангов государств, на основании которой московский двор для каждой страны, куда отправлялось русское посольство, устанавливал конкретную стоимость дипломатических подарков – «поминков» [14. С. 77]. Согласно его записям, главенствующее положение в ранге государств для Московии второй половины XVII в. занимали Оттоманская империя и Персия, а столь важные веком ранее Габсбурги и Датский король стояли в этом списке на последнем месте. В основе такого ранжирования государств лежала все та же система местничества московских служилых людей.

В Посольском приказе считалось, что существовала тесная мистическая связь между государем и его послом, что посол как заместитель государя становился им самим при произнесении «речей» [12]. Но степень отождествления царя и его представителя была разной. С XVI в. в Русском государстве четко различали три степени посольского достоинства: великие, или большие, послы, посланники и гонцы. От ранга приезжего дипломата, от государства, которое он представлял, от важности его миссии напрямую зависело количество

выдаваемого «корма», и посол Герберштейн верно отметил эту разницу содержания посольств. Чем выше должность, важнее цель приезда, тем торжественнее и пышнее прием. Касаемо понятия государевой «чести» стоит отметить, что примерно со второй половины XVI в. московские правители перестали принимать поминки от членов посольской свиты, как «не равных» своему высокому положению. Как писал Стефан Гейс, секретарь австрийского посольства Николаса фон Варкоча: «У них такой уж обычай, чтобы из посольства не оставлять у себя ни от кого подарков, кроме как от самого посла» [15. С. 28]. Л.А. Юзефович на эту тему писал, что «давать – удел властвующего и гордого, принимать – удел подчиненного», проводя аналогию с чингизидами, турецкими султанами и китайскими императорами [3. С. 124].

Также истоки рассматриваемой традиции посольского «корма» некоторые исследователи возводят к древности и мифологическому мышлению ее обитателей. Знаменитый французский этнолог и социолог Марсель Мосс полагал, что человеку первобытности и раннего Средневековья были присущи представления, согласно которым в вещи, принадлежавшей человеку, была заключена частица этого человека, в результате чего любая вещь не считалась мертвой или инертной [16. С. 98]. Поскольку в данной работе предпринята попытка рассмотреть институт посольского «корма» именно в контексте дипломатического дарообмена Московского государства, как его составную часть, «вещью» выступает царский «корм» иностранным посольствам, а сам процесс «кормления» можно представить как акт дарения русским государем продовольствия зарубежным дипломатам, ведь внешне этот процесс выглядел именно как дар. Исходя из вышеописанных представлений о том, что любая вещь сохраняет в себе что-то от своего хозяина, Мосс писал, что для древних людей дар обладал магической основой: между дарителем и одариваемым устанавливалась тесная связь, и первый, при помощи подаренной вещи, получал мистическую власть над вторым, а А.Я. Гуревич отмечал, что и для эпохи первобытности, и для Средневековья при дарении знаковую роль играла личность дарителя, так как было очень важно, чью силу заключает в себе подаренная вещь [16. С. 99; 17. С. 230]. В данном случае дарителем выступал сам царь – наместник Бога на земле, в сакрализованном образе которого воплощалось все Русское государство. В этом контексте интересна мысль, высказанная Моссом о традиции потлача, значение которого он перевел словом «кормить», когда хозяин дома, устраивая щедрый

пир, посредством кормления гостей устанавливал свое старшинство и символическую власть над ними [16. С. 90]. Л.А. Юзефович полагает, что в Московском царстве эти архаичные представления и воплотились в традиции «корма», получая который от царя-самодержца, иностранец символически превращался в его подданного, временно становясь зависимым от него, а не от собственного монарха [3. С. 108]. С вышеописанными мистическими представлениями и концепцией государевой «чести» был связан особый запрет для дипломатов, прибывавших в Московское государство с официальным визитом, самим покупать продукты, потому что, с одной стороны, покупая что-то для себя, посол ставил под сомнение царскую щедрость и, следовательно, наносил урон государевой «чести», с другой – питаясь продуктами не дарованными, а купленными, посол выходил из-под магической власти государя [2. С. 52; 3. С. 111].

Таким образом, рассматриваемый автором институт «корма» является не просто актом доброй воли и щедрости русских правителей по отношению к приезжим послам, но элементом дипломатического дарообмена, пусть и не такого официального и торжественного, как на первой аудиенции в Московском Кремле, но связанного с повседневной практикой, зафиксированной в дневниках многих дипломатов-современников. Сочинения иностранцев изобилуют сведениями, согласно которым за обслуживание посольств, предоставление им «корма» послы часто благодарили служащих Посольского приказа различными мелкими презентами, как правило, позолоченными кубками, кольцами с драгоценными камнями. В свою очередь, русские подданные обязаны были сдать эти подарки в царскую казну и из нее же принести ответные дары от имени царя [2. С. 73]. По всей видимости, «отдарки» послам необходимо было совершать, чтобы не оставаться в долгу, не впа-

дать в зависимость от чужестранцев и не выходить из-под сакральной власти русского государя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеева и А.В. Назаренко; Вступит. ст. А.Я. Хорошкевич; Под ред. В.Л. Янина. М., 1988.
2. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.
3. *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Эtiquette. Церемониал. СПб., 2007.
4. *Кальер Ф. де.* О способах ведения переговоров с государями / Пер. Л.А. Сифуровой. М., 2000.
5. *Цисельская Е.С.* Формирование и трансформация образа Китая в Европе: середина XIII – конец XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
6. *Богданов А.П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009.
7. *Исаев И.А.* История государства и права России. М., 2006.
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. (Лекция XXVII). М., 1992.
9. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.
10. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.
11. *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908.
12. *Рогожин Н.М.* Диалог вероисповеданий в дипломатии средневековой России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187856>, свободный (дата обращения: 12.06.12).
13. *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, Фридриха Аделунга / Перев. Александра Клеванова. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1864. Ч. 1–2.
14. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
15. *Гейс С.* Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча с 22-го июля 1593 г. М., 1875.
16. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. М., 1996.
17. *Гуревич А.Я.* Избранные труды: в 4 т. М.; СПб., 1999. Т. 1.